ЛЕОНИД СЕРГЕЕВ



ПОВЕСТЬ



РИСУНКИ АВТОРА

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1990



ГОШКА

Мой дядя слыл весельчаком. То и дело рассказывал смешные истории и всем дарил необыкновенные подарки. Причём эти подарки делал сам — он был мастер на все руки. Однажды из двух баллонов от пятитонки дядя склеил надувного бегемота. Он получился совсем как живой — огромный, с разинутой улыбающейся пастью и хитроватыми глазами. Он был очень большой, но при желании его можно было надуть ещё больше — стоило только открутить пробку на задней ноге.

Когда дядя принёс к нам бегемота и поставил на пол, толстяк закачался, закивал головой, шевельнул ушами и, как мне показалось, даже чуть-чуть шагнул. Бегемот был добряком — это я понял сразу. Его огромный рот всё время растягивался в улыбку, а в глазах так и бегали какие-то смешинки. У меня было несколько любимых игрушек — грузовик, слон со скрученным хоботом, цветные лягушки из тряпок, но когда появился бегемот, мне стало не до них. Я ни на минуту не расставался с Гошкой (так я назвал бегемота). Я целовал Гошку в морду, сажал с собой за стол и кормил супом, ходил с ним во двор гулять; по вечерам читал Гошке книжки, а потом ложился с ним спать, выпустив из него немного воздуха: сильно надутый, он не умещался на моей кровати.

Гошка был весельчак. Весь в дядю. С утра до вечера выкидывал разные штучки. Оставишь его где-нибудь на сквозняке, смотришь — он уже убежал в угол комнаты, прикорнул у шкафа и дрыхнет. А то вдруг ни с того ни с сего перевернётся и, задрав ноги, начнёт кататься на спине. Или прямо на глазах похудеет — явно просит еды. Кстати, он ужасно любил поесть. Его так и тянуло на кухню. Все думали, Гошка ел понарошку, но я-то знал, что он ел на самом деле. Да ещё как! Уплетал за обе щеки. Каждый раз, оставив ему на ночь еду в миске, утром я замечал, что половину он слопал. Бабушка говорила, что к миске подходил кот, а Гошка знай себе ухмыляется и незаметно подмигивает мне. Как-то наш кот не ночевал дома, но утром миска оказалась пуста. Я сразу крикнул бабушке:

— Во! Что я говорил? Видала, сколько съел?

Бабушка удивилась и с тех пор стала еду от Гошки прятать.

Целыми днями Гошка веселился и только в жару скисал. Тогда я наполнял ванну водой и пускал его поплавать. Плавать Гошка любил больше всего. Особенно на боку. Разляжется на воде и плывёт от одного края ванны к другому. Немного поплавает, начнёт крутиться на одном месте — радуется, что очутился в родной стихии. Иногда я тоже забирался в ванну, и мы с Гошкой начинали нырять, и кувыркаться, и брызгать друг в друга, а потом я влезал к нему на спину, и мы отдыхали прямо на воде. На воде Гошка держал меня так легко, как будто на него влез не я, а воробей.

Казалось, он спокойно мог бы удержать ещё пятерых таких, как я.

С каждым днём мы с Гошкой всё больше привязывались друг к другу. Частенько домашние ворчали,что Гошка занимает слишком много места, что от него постоянно беспорядок в комнате и что его вообще неплохо бы отнести в чулан. Особенно недолюбливала Гошку бабушка.

— Ох уж этот бегемот! — всё время кряхтела она.— Растёт не по дням, а по часам. В квартире от него сплошной кавардак и совсем не осталось свободного места. Хоть мебель выноси. В зоопарк его надо!

В такие моменты я всегда заступался за своего друга и, чуть что, сразу прятал его под кровать. Когда же за что-нибудь распекали меня, вперёд, как танкетка, спешил Гошка. Он надувался и топал от негодования и всем своим видом давал понять, что не даст меня в обиду. За всю нашу дружбу мы только один раз повздорили, да и то по пустяку. Как-то я залез на него, а он взял и выбил свою пробку и сразу же, охнув, присел, а я шлёпнулся на пол. Отчитал я его тогда как следует, и он больше не устраивал глупых шуточек, а если и был чем-нибудь недоволен, то просто стоял и скрипел. Он был такой тихоня, что даже ссорился со мной шёпотом.

Однажды бабушка сказала:

— Давай съездим в зоопарк. И Гоше будет интересно. Покажем ему разных животных, познакомим с родственниками.

— Ой, бабуля! — крикнул я.— Здорово ты придумала! Поедем!

Мы жили на окраине города и до зоопарка добирались на трамвае. В вагоне все пассажиры сгрудились около Гошки.

Только и слышалось:

— Ого, вот это зверь, я понимаю!

— И где ж вы такого достали?!

Бабушка объясняла, говорила про дядю, про его золотые руки, а мы с Гошкой гордо смотрели в окно.

В тот день в зоопарке народу было мало, и мы спокойно осмотрели обезьянник, львов и площадку молодняка. Потом обогнули озеро с плавающими утками и остановились у вольера с надписью: «Гиппопотам Маша». За изгородью около бассейна стояла огромная бегемотиха. Она медленно водила головой в разные стороны — посматривала на редких зрителей сонным, безразличным взглядом. Я пододвинул Гошку поближе к изгороди, но бегемотиха совсем закрыла глаза и стала жевать жвачку.

— Сынка нашей Машке принёс? — услышал я за спиной.

Обернулся — около нас стоял усатый мужчина в фартуке.

— Да, да, сынка! — обрадовалась бабушка и улыбнулась.

— Мы просто смотрим,— тихо произнёс я.

— А-а! Ну смотрите... А то оставил бы.

— Конечно! — закивала бабушка.— Вместе им будет просто замечательно!

— Ясное дело,— развёл руками мужчина.— Я здесь смотрителем работаю. Уж как-нибудь за твоим дружком присмотрю... Кормить его будем три раза в день. Как Машку.

— И не раздумывай! — подтолкнула меня бабушка.

Я подумал, что вообще-то здесь Гошке было бы неплохо. С бегемотихой они подружились бы... Но каково мне было бы без Гошки!

— Нет,— твёрдо заявил я и повернулся к бабушке: — Пойдём домой.



КУКЛЫ

До того как дядя подарил мне Гошку, я играл только с девчонками. У меня было три родных сестры и шесть двоюродных. И жили мы во дворе, где были одни девчонки и, как назло, ни одного мальчишки. С утра до вечера сёстры играли в куклы. Кукол у них было много: тряпичные в платьях и кофтах, матрёшки в сарафанах и кружевах и совсем голые из целлулоида. Были куклы с бантами, с цветами, с зонтиками. Толстые и тонкие. Большие и маленькие. Были куклы, которые сидели на чайниках, и куклы с огромными глазами — они опускали ресницы и пищали. Вся наша квартира была завалена куклами. Куда ни посмотришь, везде сидели эти уродины. Я засовывал их под диван, прятал в чулане — ничего не помогало. Кукол не уменьшалось. Даже наоборот, их становилось всё больше.

Сёстры были без ума от своих кукол. Они называли их балеринами и принцессами; всё время одевали и раздевали их, кормили и укладывали спать. Каждый раз, когда я предлагал сёстрам поиграть в футбол или посражаться на шпагах, они начинали меня стыдить.

— Ты какой-то глупый,— говорила одна сестра.

— Все твои игры шумные и неинтересные,— морщилась другая.

А третья подсовывала мне куклу и тащила играть в дочки-матери. Я ужасно злился, но ничего не мог поделать. Ведь сестёр было много, а я один. Вот и приходилось мне играть с ними в куклы. Вместе с сёстрами я вышивал и вязал, готовил обеды для кукол и пел им колыбельные. Постепенно сёстры стали принимать меня за свою подругу. Иногда кто-нибудь из них забывался и говорил мне:

— Ты не так постелила балерине Тане.

— Ты мало качала принцессу Зину.

Я злился до слёз. Но это ещё что! Сёстры в день моего рождения подарили мне... куклу. Тут уж я взбунтовался и выкинул всё их кукольное царство в окно. Но они снова принесли своих любимиц и вдобавок налетели на меня девятером и отлупили. А потом пришёл дядя и подарил мне... Гошку.

Я думал, что теперь сёстры забросят своих кукол и начнут подлизываться ко мне, чтобы я разрешил им поиграть с бегемотом. Но Гошка не произвёл на них никакого впечатления. С кислыми лицами они осмотрели моего друга, и одна из сестёр фыркнула:

— Он слишком большой и неуклюжий.

— И страшный,— добавила другая сестра.

Гошка обиделся, наклонил голову, и его пасть задрожала от горькой усмешки.

— Ничего вы не понимаете,— сказал я. Привязал Гошке на шею верёвку, и мы отправились гулять во двор.

Но и девчонкам из нашего двора мой Гошка не понравился.

— Прям и не знаем, во что с ним можно играть,— сказали.

— Как во что?! — чуть не вскричал я.— Да во что хотите! Бегемот это вам не куклы какие-то! Это...

Но девчонки уже меня не слушали — они отправились в глубину двора. Для начала мы с Гошкой занялись акробатикой. Я залез на Гошку и стал прыгать на нём. Он подбрасывал меня всё выше и выше.

Потом мы с Гошкой боролись: кто кого — он меня или я его. Хитрец Гошка всё пытался навалиться на меня и прижать к земле. Он надувался, пыхтел и сопел, но ему так и не удалось повалить меня. А я Гошку повалил. Дал ему подножку, и он плюхнулся на бок.

Потом мы играли в футбол. Гошка стоял в воротах, а я бил по мячу. Сообразительный Гошка сразу встал боком и заслонил все ворота. Забить ему гол было очень трудно, но я всё же забил штук десять.

Теперь целыми днями я играл только с Гошкой.

А вскоре произошло ещё одно событие: в наш дом приехали новые жильцы. Они приехали поздно вечером, но я успел заметить мальчишку. Вихрастого мальчишку моего возраста! Правда, я заметил и двух девчонок, по виду сестёр мальчишки: одну высокую, явно школьницу, другую — намного младше. Но главное — в той семье был мальчишка! Я долго не мог уснуть. Всё представлял, как буду играть с новым соседом. Я достал из-под дивана мяч, заточил деревянную шпагу, подкрасил пробочный пистолет.

— Теперь-то начнётся новая жизнь,— сказал я Гошке, и он понимающе закивал головой, и в его глазах появился озорной блеск.

Наутро мы с Гошкой выбежали во двор, и я стал гонять мяч перед окнами новых жильцов. Вначале из дома вышла высокая девчонка. Она тащила две куклы. За ней появилась её младшая сестра. С тремя куклами! А потом показался и мальчишка. В руках он тоже держал... куклу.

— Пойдём погоняем мяч,— предложил я.— А он будет вратарём.— Я кивнул на Гошку.

— Не-ет,— протянул мальчишка.— Я лучше пойду играть с сёстрами.

Он небрежно оттолкнул Гошку и поплёлся за девчонками.

Я уже хотел было огреть шпагой этого слюнтяя, как вдруг его старшая сестра обернулась и, бросив кукол, сказала:

— Я с удовольствием попинаю мяч. Надоели эти куклы. И бегемот у тебя симпатичный. Как его зовут?

С того дня мы играли втроём: Настя, Гошка и я. Настя — девчонка, а отлично играла в футбол, сражалась на шпагах, стреляла из пугача. Гошка в неё прямо влюбился. Только и смотрел в окно, ждал, когда Настя выйдет во двор, и ужасно страдал, если она долго не появлялась.

ГНОМ

По вечерам я читал Гошке книжки. Особенно Гошка любил сказки про гномов. Прижмётся ко мне, прикроет глаза и внимательно слушает.

Я верил, что весёлые и добрые карлики живут где-то среди нас, и долго разыскивал их маленькую страну. Облазил чердак, холодный сырой подвал, постройки вокруг дома, сумрачные закутки за сараем; обошёл забор, заросший мышиным горохом, осмотрел все кусты с бело-розовыми граммофонами вьюна, но гномов нигде не встретил.

Я уже почти отчаялся их найти, как вдруг обнаружил какие-то странности в нашем доме: по вечерам слышались разные шорохи, скрипы, вздохи... Потом ни с того ни с сего остановились часы, в шкафу просыпалась крупа. Потом сам собой потух самовар, упало полено, исчезло мыло.



— Видал?! — обратился я к Гошке, и тот разинул пасть от удивления.

Каждый день я находил следы весёлых шуточек, но самих шутников не видел. И только зимой мне повезло.

Мы с Гошкой катались с горы за нашим домом. Я залезал на Гошку, он ложился на живот, и мы неслись по укатанному склону. Внизу Гошка немного отдыхал, а я рассматривал разные снежные бугорки и кочки, и подтаявшие корки снега, и заиндевевшие сухие травы. На бугорках то тут, то там виднелись какие-то рисунки: маленькие полукружки и лесенки. Я нагибался и рассматривал эти загадочные картинки, но понять их никак не мог. Иногда осторожно, чтобы не сбить иней, я пробирался сквозь торчащие из-под снега травы. И эти травы мне уже казались не травами, а деревьями в лилипутском лесу. Я различал их тонкие, как карандаши, стволы и корявые ветви, заснеженные рыхлыми шапками. Кое-где меж этих деревьев, как стеклянные змейки, тянулись застывшие подтёки. Они напоминали наши водопады, но были совсем маленькие.

Я ходил у подножия склона, между возвышений, впадин, деревьев и водопадов, и всё представлял, как здесь играют гномы. «Только где они сейчас? — думал. — Может, от меня спрятались?»

Мы с Гошкой снова взбирались на гору, я прятался за сугроб и украдкой смотрел вниз. Но гномы не появлялись. Целый день мы с Гошкой провели на горе, но всё было бесполезно. Когда начало темнеть и ветер погнал вихри, я



решил прокатиться на Гошке последний раз — и внезапно увидел его, маленького человечка в красном колпачке. Я увидел его в тот момент, когда мы мчались с горы. Он был высотой с ладонь и ехал прямо перед нами на крохотных лыжах. Он то и дело оборачивался и со страхом смотрел то на меня, то на Гошку и изо всех сил семенил вниз, отчаянно отталкиваясь малюсенькими палками. И всё-таки мы догнали его. Какое-то мгновение мы даже скользили рядом. Я отчётливо видел его бородку и полные страха глаза, но Гошка не смог притормозить, и мы пронеслись вперёд.

Съехав с горы, я слез с Гошки, обернулся и стал поджидать гнома, но он не появился. Я подумал, что он упал где-то на горе, и заспешил наверх, но и на склоне его не оказалось.

Я бегал по горе до тех пор, пока у меня не закружилась голова. Только тогда я взял Гошку за поводок, и мы побрели домой. По дороге я отругал Гошку за нерасторопность, за то, что он не смог затормозить на горе. В такой момент! Ведь не каждый день мы видим гномов! Но Гошка был невозмутим, он как бы говорил: «Подумаешь — гном! Ничего удивительного! На свете и не то бывает!»

Войдя в дом, я крикнул:

— Мама! Я видел гнома!

— Где же ты был так долго? — сказала мама.— И Гошку своего заморозил... Ведь бегемоты любят тепло... Но что это с тобой? Ты весь красный!..

Мама приложила руку мне ко лбу.
— Да у тебя температура!
Мама стряхнула с моей куртки снежную пыль, развязала шарф, сняла валенки, и на пол шлёпнулись слежавшиеся лепёшки снега, как вафли. Я смотрел на них и думал о гноме.

В ДЕРЕВНЕ

Однажды летом отец сказал:
— Завтра поедем в деревню.
— А Гошку возьмём? — поспешил выяснить я.
— Нет. Мы едем не одни, в грузовике и так мало места. Не знаю, куда вещи погрузить. Впрочем, ладно, сдувай его и сворачивай.
— Как это сдувай и сворачивай?! — возмутился я.— Он же живой!..
— Пусть тогда бежит за машиной,— неудачно пошутил отец, но тут же примирительно добавил: — Ну хорошо, хорошо, закинем его в кузов, только надо будет привязать верёвкой, чтобы не свалился.
— Я буду его крепко держать,— ответил я и показал, как буду держать Гошку.
В деревне нам с Гошкой было раздолье. С утра мы бегали по лугу за домом, причём Гошка сразу придумал скользить за мной на верёвке, как за буксиром. Выставит вперёд свои толстые ноги и скользит по траве, приминая головки цветов.
Днём мы гуляли по деревне, и Гошка пугал разную живность. Завидев Гошку, кошки впрыгивали на деревья, а куры и утки бросались врассыпную. Гошка казался им каким-то ископаемым чудищем. Даже собаки побаивались Гошку. Спрячутся за заборы и облаивают нас. Некоторые, самые смелые, подкрадывались сзади, принюхивались, пытались цапнуть Гошку за ногу. Но Гошка развернётся, затопчется на месте, забурчит — и собаки бегут наутёк. Ещё бы! Ведь Гошка был толще самых толстых свиней и ростом с телёнка!
Только козёл не боялся Гошку. Он пасся посреди деревни. Огромный, лохматый, медленно вышагивал среди коз и жевал жвачку. Он долго угрожающе смотрел на Гошку, а потом ни с того ни с сего подбежал и ударил Гошку рогами в живот. Бедняга Гошка застонал и упал; из него со свистом стал выходить воздух. Пришлось мне срочно бежать домой, лечить Гошку — ставить ему заплатку.
Когда Гошка выздоровел, мы обходили козла стороной.
Гошка понравился всем жителям деревни. Случалось, идём по улице, а навстречу нам косцы.
— Отличная у тебя охрана! Лучше всякой овчарки! — скажет кто-нибудь.
— Его бы стадо научить пасти! Или в огород поставить — в миг всех ворон распугает!
А ребята нам просто прохода не давали. Они то и дело гладили, обнимали Гошку, пытались залезть на него, но я не разрешал.
— Он ещё не совсем здоров,— говорил и показывал на Гошкину рану.— И вообще, он же не лошадь! С какой стати он должен вас катать?
Больше других за нами ходил Вовка, остроносый мальчишка в драной

рубашке. Вовка не отходил от нас ни на шаг. Он хотел знать всё: сколько весит Гошка, что ест, как плавает? Он меня просто замучил своими вопросами. Он явно хотел с нами подружиться и сразу показал самые интересные места: ручей с запрудой, куст орешника, из веток которого получались отличные дудки, старую кузницу, где обитал ёж, болотце с пучеглазыми жабами.

Чтобы Вовка особенно не хвастался и не зазнавался, я рассказал ему, как мы с Гошкой видели гнома.

ЛЮБИТЕЛИ КОМПОТА

В деревне мама часто варила компоты — густые, сладкие. Я очень любил эти компоты. Часто даже обедать начинал с них. Выпью три стакана, немного поковыряю второе, а до первого так и не дотронусь. Компоты я мог пить в любое время дня. Даже если только пообедал, спросят: «Хочешь компота?» — никогда не отказывался. Да что там днём! Ночью разбудят — всё равно пил!

Как-то я простудился. Все лекарства перепробовал, ничего не помогло, выпил горячего компота — всё как рукой сняло. И кстати, Гошка очень любил компоты. Только холодные. На горячие всегда подолгу дул — боялся обжечься. А вот Вовка компоты не любил и никогда не пил их. Даже компоты моей мамы не производили на него никакого впечатления. Много раз он заходил к нам, и мама угощала его компотом, но он всегда отказывался. Такой был чудак!

Обычно днём мы с Вовкой играли у ручья около запруды. Плавали на Гошке, строили водяную мельницу, рыли каналы, наводили мосты. Недалеко от нас всегда играла Свечка — темноволосая худая девчонка. Она делала из глины пироги, калачи и лепёшки. Варила кашу из клевера и суп из лебеды. Этими кушаньями Свечка кормила своих кукол и плюшевого кота Сёму.

Иногда Свечка подходила к нам и просила «обмолоть» на мельнице её муку — песок, смешанный с мелким ракушечником. Или просила разрешения походить Сёме по нашему мосту.

Однажды Свечка полоскала кукольное бельё в запруде. Рядом стоял Сёма и стеклянными глазами смотрел на воду.

— Эх, Сёма, компотику бы сейчас! — сказал я и щёлкнул кота по носу.

Свечка тут же бросила бельё, подбежала к Сёме и зашептала ему в ухо:

— Скажи мальчикам, что я сейчас сварю компот,— и побежала к своей кухне.

Вскоре она вернулась и протянула мне бутылку с водой, в которой плавали головки цветов.

— Вот, пейте! — сказала и улыбнулась.

Я схватился за живот и громко захохотал:

— Вот дурочка! Пейте! Ты что?! Нас на тот свет отправить хочешь?! Пусть эту дрянь твой Сёма пьёт! — сказал я и наподдал её коту.— Это даже мой Гошка пить не будет. Он ест только настоящее...— Я посмотрел на своего друга, и Гошка кивнул, поморщился и фыркнул.

Свечка схватила Сёму, прижала к себе и, закусив губу, отвернулась. Тут подошёл Вовка, взял Свечкину бутылку и вдруг выпил компот со всеми цветами. Целую бутылку с настоящими цветами! Я думал, он умрёт. А он выпил и потянулся.



— Очень вкусный компот,— сказал Вовка.— Никогда таких не пил.

Свечка повернулась и заулыбалась снова. А потом засмеялась и отбежала от нас. И Гошка понёсся за ней — видно, тоже захотел попробовать цветочного компота.

С того дня Свечка каждый день приносила Вовке компоты. Она выбирала ему самые лучшие цветы, подолгу растирала их на ладонях, крошила в бутылку с водой и взбалтывала. И Вовка всегда пил её компоты. И ещё закатывал глаза, гладил себя по животу и крякал от удовольствия. И Гошка пил эти компоты, и тоже с неменьшим удовольствием. Свечка смеялась и прыгала от радости, а я немного жалел, что отказался от её компотов.

ОТВАЖНЫЙ И ПРЕДАННЫЙ

Однажды мы с Вовкой у ручья лепили дворец из глины. Рядом стоял Гошка и как бы давал нам советы. Одобрительно кивал, если мы делали правильно, и, наоборот, мотал головой, если мы что-нибудь делали не так.

Невдалеке, у запруды, как обычно, играла Свечка.

Внезапно мы услышали всплеск и крик Свечки:

— Помогите! Тону!

Как Свечка упала в воду, ни Вовка, ни я не заметили. Мы только увидели, что она отчаянно барахтается в воде и рядом плавает её кот Сёма.

— Я не умею плавать,— пробормотал я.

— И я не умею,— с дрожью в голосе откликнулся Вовка.

Я бросился искать палку, чтобы протянуть её Свечке, но вдруг услышал гулкий плеск и увидел, что к Свечке на всех парах мчится Гошка. То ли его Вовка спихнул, то ли он сам прыгнул. Гошка быстро подплыл к Свечке, и она ухватилась за его шею. Когда они пристали к берегу, мы помогли им выбраться из воды. Свечка начала чихать и плакать и целовать Гошку, благодарить его. А нам крикнула:

— Что ж вы Сёму не спасаете?! Он же утонет!

Я нашёл палку, подогнал кота к берегу, и Вовка выудил его за хвост.

За деревней стоял огромный узловатый дуб. Его раскидистая листва закрывала целую поляну. Даже в самые жаркие дни на поляне было прохладно.

Как-то Вовка, Гошка и я сидели под дубом и смотрели на дальнее шоссе, где проносились разные грузовики и легковушки.

— Эх, набрать бы желудей! Были бы отличные солдаты в нашем дворце,— вдруг сказал Вовка и показал на ветви над нами. Там висели светло-зелёные плоды с чашками-шлемами.

— Давай собьём их,— предложил я.

Мы начали кидать камни в жёлуди, но они ещё были незрелые и крепко держались на ветвях. Мы не смогли сбить ни одного. Эти упрямые жёлуди не на шутку раззадорили нас.

— Подсади-ка меня, я влезу на дерево,— сказал я Вовке.

Сбросив ботинки, я засучил брюки, и Вовка помог мне долезть до нижнего сука. Потом я уцепился за толстую ветвь и по ней полез выше. Шершавая кора обдирала руки и ноги, но я продолжал карабкаться. Я забрался так высоко, что почувствовал, как ветер раскачивает дерево. Прямо надо мной проплывали



облака, но казалось, что они стоят на месте, а по небу плывёт дерево и я вместе с ним.

Гроздья желудей были совсем рядом, но я всё равно не мог до них дотянуться.

— Нужна палка! — крикнул я Вовке и посмотрел вниз.

И только в этот момент понял, что залез слишком высоко. И Вовка и Гошка выглядели совсем маленькими. У меня закружилась голова. Я хотел опуститься на нижнюю ветку, но ноги не дотянулись до неё. Обхватив ветвь, я висел в пустоте.

— Зови на помощь! Я не могу слезть! — в страхе закричал я.

— Прыгай! — откуда-то издалека донёсся Вовкин голос.

Я ещё раз посмотрел вниз и увидел, что Вовка подталкивает Гошку под ветвь, на которой я повис. Мои руки ослабели, и я полетел к земле.

Я упал на Гошку, как в мягкую перину. Даже ни капли не ушибся...

А потом Гошка и Вовку спас.

Тот козёл, который боднул Гошку, совсем спятил. Начал гоняться по деревне за ребятами. Одни говорили, что ребята его дразнили, другие — что он просто объелся перебродившей вишни. Вовка козла не дразнил. Он спокойно шёл ко мне — мы договорились идти к ручью. Вовка уже подошёл к нашей изгороди, как вдруг я увидел, что к нему во всю прыть несётся козёл. Я не успел и рта раскрыть, как в калитку протиснулся Гошка и встал между Вовкой и своим обидчиком. У Гошки был очень строгий вид. Видимо, он решил проучить козла раз и навсегда. И козёл это понял. Он остановился точно вкопанный. Потом как-то извинительно заблеял, брыкнулся и убежал.

В ЗООПАРКЕ

Осенью я пошёл в школу. Мама уложила в портфель школьные принадлежности и сказала:

— Ну вот, теперь ты стал взрослым. Теперь ты должен хорошо учиться, а Гошку давай уберём в чулан.

— Нет,— заявил я.— Гошка будет учиться со мной. Я приду из школы, и мы будем вместе решать задачки.

Мама только вздохнула.

Вначале в школе я сильно скучал по Гошке и после занятий сразу же мчал домой; выгуливал Гошку и рассказывал ему, что было на уроках. Гошка слушал рассеянно, зевал от скуки. Почему-то мои занятия его совсем не интересовали. И решать задачки он не хотел. Он как бы говорил: «Зачем мне учиться, я и так умный!»

Позднее в школе у меня появились новые друзья и новые увлечения: я стал собирать марки и оловянных солдатиков. Марками обменивался с одноклассниками, а солдатиков делил на две армии и устраивал настоящие сражения. С Гошкой я играл всё реже, но он не обижался: откуда-нибудь из угла следил за моими баталиями или дремал, прислонившись к шкафу.

...Так прошёл весь учебный год. На лето меня отправили в лагерь, а когда я вернулся, Гошку дома не застал.

— Я отвела его в зоопарк,— пояснила бабушка.— Там ему с бегемотихой просто замечательно. Помнишь бегемотиху Машку?

Я побежал в зоопарк. Ещё издали в вольере заметил бегемотиху, но Гошки рядом с ней не было. У вольера я столкнулся с усатым мужчиной — смотрителем. И только хотел спросить у него про Гошку, как внезапно в бассейне что-то плеснуло, и на поверхности воды показалась вначале голова, а потом и вся серо-зелёная туша ещё одного бегемота.

— Видал, как твой бегемот подрос? — спросил меня мужчина и кивнул на животное.— Все говорят, его недавно к нам доставили, но мы-то с тобой знаем, кто это, правда? — Он улыбнулся и обнял меня за плечи.

Я посмотрел на вылезшего из воды бегемота и вдруг заметил, что его пасть дрожит от улыбки, а в глазах мелькают знакомые озорные смешинки. Бегемот посмотрел в мою сторону, закивал головой и пошевелил ушами, и я сразу узнал в нём Гошку. И Гошка узнал меня тоже. Он подмигнул мне, подбежал к изгороди, и его пасть растянулась в радостном приветствии.

СПУСТЯ МНОГО ЛЕТ

Закончив школу, я уехал в другой город, но Гошка всегда оставался со мной. Как мечта о друге. Он всегда появлялся, когда я вспоминал о нём. И больше меня радовался моим успехам, и больше меня огорчался, когда мне не везло. Гошка исчезал только тогда, когда я забывал о нём.

Спустя много лет я вернулся в город своего детства. Разыскал наш дом и случайно на чердаке среди рухляди нашёл пыльный свёрток резины. Стряхнув пыль, я вынес свёрток на улицу, развернул и, обнаружив пробку, надул.

Гошка сильно постарел: был весь в морщинах и складках, вместо улыбки виднелась горькая гримаса. Что-то далёкое и радостное охватило меня.

Некоторое время Гошка обидчиво смотрел в мою сторону, как бы укоряя за долгое отсутствие, за то, что я совсем забыл его. Я рассказал Гошке всё. И он всё понял и простил меня. Снова, как когда-то, он кивнул головой и шевельнул ушами. Потом подмигнул мне, и его пасть растянулась в улыбку. Гошка уткнулся в мои ноги, и я обнял его.

Нас окружили ребята. Одни — с заводными игрушками, другие — с новыми блестящими велосипедами.

— Что это за чучело, дядь?! — спросил один из мальчишек, и ребята рассмеялись.

Где им было знать, что старый облезлый бегемот был моим самым близким другом в детстве, что он мне дороже самых дорогих игрушек и ничто никогда не заменит его.

